

Adjective *великий* in the linguistic world-image of Russian medieval period (on the material of chronicles)

[Прилагательное *великий* в языковой картине мира русского средневековья (на материале летописей)]

Irina V. Erofeeva

DOI: 10.18355/XL.2017.10.03.19

Аннотация.

В статье рассматривается место и роль прилагательного *великий* в русском этнокультурном языковом сознании средневековья. Определяется его роль в концептуализации и категоризации явлений внеязыковой действительности, отразившихся в летописных текстах. Анализируются особенности синтагматических связей адъектива *великий*, классифицируются объекты, с которыми он соотносится, определяется его референтное поле в древнерусском языке. Особый аксиологический статус прилагательного *великий* связывается с системой значений, релевантных для языка культуры средневековья, их особым ценностно-смысловым статусом.

Ключевые слова: прилагательное, аксиология, культура, средневековье, летописи

Введение

В языке сохранившихся до наших дней памятников древнерусской письменности находит отражение практическая деятельность средневекового человека, способы осмысления окружающей действительности, круг значимых для того времени представлений. Обращение к изучению языковых фактов в диахроническом аспекте позволяет выявить существенные для русского языкового сознания понятия и проследить за их эволюцией. Путем к познанию мира средневекового человека является изучение произведений древнерусской словесности, в которых отразилась языковая картина мира предшествующих поколений.

Анализ значимых в общественном и нравственном отношении категорий культуры дает материал для воссоздания мировоззрения, привычек и традиций человека средневековья. Особенно объективно различные стороны внеязыковой действительности отразились в летописных текстах, в состав которых вошли разнородные в жанровом и стилистическом отношении произведения. Современные ученые едины во мнении, что древнерусские летописи содержат богатейший материал для изучения этнокультурной истории Русского государства, языковых и культурных традиций своего времени (Lihachev, 2015; Plokhly, 2006; Picchio, 2003; Sadrieva, Erofeeva, 2016 и др.). Сохранение культурных ценностей обеспечивает преемственность традиций, их транслирование последующим поколениям (Alefirenko 2015).

В актах номинации происходит актуализация значимых для языкового сознания смыслов. Наряду с обозначением конкретных понятий в русском языке с древности были широко представлены различные способы обозначения качеств и признаков предметов и явлений. В процессе развития категории качества формировались имена прилагательные как особая часть речи. В древнерусском языке представлена богатая и разветвленная система слов данной части речи. В прилагательных отражается совокупность признаков предметов окружающего мира, без которых объекты не могут быть

представлены полно и выразительно, в их целостности. «Они раскрывают признаки обозначенного предмета, приписывают ему определенные атрибуты, сообщают о его свойствах, определяют его место в таксономике мира» (Kubriakova, 2010: 32).

Разное место прилагательных в различных языках свидетельствует об этнокультурных особенностях того или иного народа. Для русских качественная характеристика объектов была важным параметром языковой концептуализации. «В осмыслении мира русским человеком качество играет одну из главных ролей, поскольку именно оно дает возможность не только распознавать те или иные объекты, но и объединять их на основе качественной характеристики в единое целое» (Klimova, 2008: 6).

Прилагательные как часть речи практически не имеют собственной области денотативной отнесенности. Они связаны с теми денотатами, которые могут обладать соответствующими признаками. Общность происхождения существительного и прилагательного, восходящих к единому слову-синкрете, определяет сходство их морфологических признаков. Необходимость в обозначении признака в отвлечении от предмета, появление особых синтаксических свойств, вычленение значения качества явилось предпосылкой формирования прилагательного как особой части речи. В синтагме прилагательное находится в грамматической зависимости от существительного, в семантическом отношении оно дополняет и уточняет содержание понятия, выражаемого субстантивом.

Методика

Когнитивный и лингвокультурологический подходы к исследованию материала применяются с целью осмысления языковых явлений сквозь призму сознания человека, с учетом этнокультурных особенностей русского народа. С помощью метода семантико-когнитивного анализа определяются результаты отражения мыслительной деятельности человека в языке, характеризуются семантические процессы в их связи с когнитивными. Использование концептуального анализа позволяет восстановить знания и представления, связанные с изучаемым понятием.

С помощью описательно-аналитического метода были определены функциональные особенности синтагм с характеризующим именем *великий*, выявлены и классифицированы объекты, к которым относится изучаемый признак, определено его референтное поле. С помощью метода компонентного анализа охарактеризована смысловая структура атрибутивной лексемы, выявлена иерархия значений, релевантных для языка культуры средневековья. Дистрибутивный анализ позволил изучить особенности контекстуального употребления, сочетаемости изучаемого слова. Исторический метод использован для определения основных направлений семантического развития прилагательного *великий* в древнерусском языке.

Результаты

Символизм средневекового мышления определял наличие значительного количества обозначений признаков и свойств предметов и явлений. Как отмечают исследователи, в древнерусском языке «тонко и в большом количестве вариантов были разработаны возможности определения тех или иных предметов, явлений и лиц» (Kolesov, 2005: 338).

Необходимо отметить, что образование местоименных форм окончательно способствовало выделению прилагательного в самостоятельную категорию, а сами полные формы стали выражать значение определенности признака того предмета, который они характеризовали. При этом признак

становится неотъемлемым свойством понятия, выраженного сочетанием (Baranov, 2003: 154).

Для древнерусского текста характерно использование традиционных устойчивых сочетаний, или формул речи. В составе адъективно-субстантивных синтагм, представленных в летописных текстах, наиболее распространенным атрибутивным компонентом является прилагательное *великыи*. Прилагательное *великъ, великыи* > *великии*, общеславянского происхождения от *velikъ, -a, -o*, производное с суффиксом *ik-ъ* от *velъь, -a, -o* (Chernyh, 1999: 140).

Прилагательное *великыи* широко представлено в разновременных летописных текстах. Оно фиксируется в летописях практически в каждой погодной статье, значительно превосходя по частотности употребления все синонимические образования. Данное прилагательное отличали широкие сочетаемостные возможности, что свидетельствует о широте и разнообразии денотатов, которым мог быть приписан данный признак в средневековом сознании. Прилагательное *великыи* входило в состав синтагм, отражающих церковную, общественную, духовную, военную, нравственную, бытовую и другие сферы жизни древнерусского общества. Оно могло подвергаться субстантивации и употребляться в роли существительного, обозначая лицо по наиболее характерному для него признаку.

Как известно, этнокультурная специфика языка проявляется в организации его семантического пространства, специфике значений языковых единиц (Matveeva, Fatkhutdinova, 2016: 233). Концептуальные компоненты в семантике лексем выявляются уже при анализе их словарных дефиниций (Safin, Vuchkova, Kolosova 2016: 237). В древнерусском языке прилагательное *великыи* имело разветвленную систему значений. На базе конкретно-параметрического значения «значительный по размерам, большой», а также количественного значения «значительный по количеству, многочисленный» развилось отвлеченное метонимическое значение «значительный по силе, степени проявления» и наиболее отвлеченное, стилистически возвышенное «выдающийся» (SRJa, 2: 61-62). Прилагательное *великыи* могло выражать и значение, включающее социальный оттенок, «старший, главный по положению, знатный» (SRJa, 2: с.63), развившееся из первичного конкретного значения «большой».

Прилагательное *великыи* используется для интерпретации многих явлений и событий внеязыковой действительности, вовлеченных в сферу познавательной и практической деятельности человека средневековья. Сочетания с данным прилагательным подвергаются специализации вплоть до терминологизации значения, что свидетельствует о важном месте данного атрибута в языковой картине мира средневековья. Представление о мире не было простым, оно включало символический смысл, скрытый за внешней оболочкой. Описывая конкретные социальные события, историю отдельного монастыря, летописцы проявляли тенденцию к обобщению, стремясь показать истоки частного в общем, универсальном (Gurevich, 1999: 82). Часто для характеристики подобных универсальных понятий и использовалось прилагательное *великыи*.

Наличие семы «значительный» во всех отраженных в древнерусском языке значениях определяет стилистическую возвышенность данного общеславянского образования. Оно выступает в качестве атрибута при существительных, обозначающих значимые в религиозном, социальном или нравственном плане понятия. При этом часто определяемые слова имеют приметы высокого стиля: заимствованную из греческого основу (например, *великыи архаггелъ*), неполногласие в основе (например, *великая власть*), сложную основу (например, *великыи чудотворць*), суффиксы высокого стиля

(например, *великое свирѣньство*) и под. Данные сочетания представлены в основном в отрывках, связанных с книжной традицией, или при описании значительных событий государственной или военной жизни.

В древнерусских летописях подробно описывается правительственная и церковная жизнь, в связи с чем наиболее частотным сочетанием с адъективом *великыи* в них является терминологическое словосочетание *великыи князь*, обозначающее важный титул, должность в русском государстве. Особенно широко представлены подобные конструкции в Новгородской I летописи и Московском летописном своде 1479, отличавшихся документализмом повествования, вниманием к политическим событиям. В данном сочетании отмечается как полная форма прилагательного с вариативной флексией *-и(-иш)*, так и усеченная форма *великы(-и)*, которая встречается преимущественно в постпозиции к определяемому слову. Краткая форма адъектива *великъ* в сочетании со словом *князь* не употребляется, что свидетельствует о традиционности данной конструкции. Типичной для устойчивого сочетания *великыи князь* является синтаксическая функция приложения к имени собственному: *князь великыи Ярославъ* (NIL: 44), *великыи князь Всеволодъ* (NIL: 49). Иногда слово *князь* опускается и прилагательное *великыи* определяет непосредственно имя собственное: *Святославъ великыи* (NIL: 36), *великыи Ярославъ* (NIL: 92) и под.

Наряду с устойчивым сочетанием *великыи князь* высокой частотностью в летописях отличается сочетание *великая кнѣзгыни*. В такой конструкции существительное *кнѣзгыни* чаще всего имеет флексию *-и*, старославянскую по происхождению [Gorshkova, Naburgaev, 1997: 157], что является свидетельством стилистической маркированности данного сочетания.

Менее частотны сочетания прилагательного *великыи* с другими именами со значением лица, в которых оно отмечается как в членной, так и в нечленной формах. Среди определяемых имен преобладают нарицательные существительные, называющие лиц, имеющих отношение к церковной среде. В таких сочетаниях прилагательное *великыи* выполняет не столько номинативную, сколько экспрессивно-оценочную функцию: *постници велици* (MLS: 10), *въздержникъ великъ* (MLS: 10), *великого святителя* (MLS: 125) и др. К терминологизированному относится словосочетание *великыи мученикъ* в религиозном значении «великомученик» (SRJa, 9: 318). Оно употребляется в цитатах из религиозных книг: «*Яко же и великыи христовъ мученик Дмитрей*» (MLS: 239); используется при обозначении дат церковных праздников, приуроченных к памяти того или иного святого, в названиях церквей и монастырей: «*день великого мученика Леонтия*» (MLS: 146), «*у великого мученика Бориса и Глѣба на Москвѣ*» (MLS: 273).

В Московском летописном своде 1479 года частотным является сочетание *великыи чудотворецъ* в значении «святой, совершающий чудеса», которое используется для номинации определенного деятеля церкви – митрополита Петра: «*Преставися пресвященныи митрополитъ Петръ Киевскыи и всея Руси великыи чудотворецъ*» (MLS: 168). Реже оно употребляется в форме множественного числа при трактовке событий в свете религиозного мировоззрения, предполагающего заступничество святых: «*молитвами пречистыа его матери и великых чудотворецъ молениемъ*» (MLS: 297), «*пресвятыа богородица и великих чудотворецъ молитва*» (MLS: 302) и под.

В употреблении прилагательного *великыи* отражаются аксиологические доминанты средневекового сознания. Поскольку оно имеет общеоценочное положительное значение, использование данного атрибута при имени со значением лица дает его обобщающую характеристику в соответствии

с ценностными установками того времени, выделяет лицо среди других подобных по статусу. Такую оценку получают исторические, религиозные, военные деятели: *великий царь* (PVL: 47); *великий государь* (MLS: 313), *великий наставник* (MLS: 179), *великий патриарх* (MLS: 244), *великий воевода* (MLS: 146). Ценностная составляющая семантики прилагательного *великий* определяет его использование при существительных не только с узальным религиозным значением, но с контекстуальным. Так, слово *наставник* в значении «учитель, наставник, руководитель» (SRJa, 10: 265) приобретает религиозную семантику в контексте: «*Преставися пресвященный Феогностъ митрополитъ всея Руси, великий наставник*» (MLS: 179). Сочетания с наименованиями лиц военной семантики типа *воевода*, *воинъ* нередко имеют метафорическое значение, представленное в религиозных контекстах: «*святыи великий воевода Леонтий*» (MLS: 146); «*великихъ христовыхъ воинъ Георгия и Димитрей и Бориса и Глѣба*» (MLS: 204).

Прилагательное *великий* может использоваться для номинации лица и вне субстантивно-адъективной синтагмы в случае его субстантивации. При этом оно называет лицо обобщенно, по наиболее характерному признаку, чаще всего социально-иерархическому. В устойчивом противопоставлении с субстантиватом *малый* реализуются взаимосвязанные значения «знатный» – «незнатный»: «*Множество славного града Москвы, мужие и жены, малыи и велиции*» (MLS: 294). Для русского языкового сознания бинарные оппозиции являются способом представления славянской культуры (Schuklina, 2014: 638). В подобных оппозициях может актуализироваться указание на возрастной признак: «*И срѣте ю весь град от великихъ даже и до малыхъ и до съзущихъ млеко*» (MLS: 241). В устойчивой ситуативной формуле *от мала до велика*, где субстантивированные образования представлены в краткой форме, они противопоставляются в плане возрастном «юный» – «взрослый», социальном «знатный» – «незнатный» или военном «руководитель» – «подчиненный».

Следующую группу имен, определяемых посредством прилагательного *великий*, составляют неличные имена религиозной семантики. В таких сочетаниях данный адъектив употребляется преимущественно в членной форме. Лишь в единичных случаях отмечается нечленная форма, например в сочетании *великъ день* со специальным религиозным значением «праздник пасхи» (SRJa, 2: 63). Оно употребляется в основном во временном значении в форме винительного падежа с предлогом *на* или в форме местного падежа с предлогом *по*: *на великъ день*, *по велицѣ дни*. В других сочетаниях с субстантивным компонентом религиозного содержания прилагательное выступает в полной форме. Такие сочетания в основном указывают на время церковного события: *великий постъ*, *великое говѣние* «период великого поста» (SRJa, 4: 51), *великое заговѣние* «последнее воскресенье перед великим постом» (SRJa, 5: 168). Конструкции, включающие наименования дней недели, также имеют темпоральную семантику и называют церковные праздники, связанные с соответствующими днями недели: *великий четвертокъ* (MLS: 108), *великий понедѣльникъ* (MLS: 26), *великая пятница* (MLS: 50), *великая суббота* (MLS: 22).

Прилагательное *великий* выражает параметрическое значение и в то же время имеет сакральный смысл в сочетаниях с существительными, называющими церковные постройки: *великая церковь*, *великий храмъ*, *великий монастырь*. В таких конструкциях акцентируется указание не столько на размер строений, сколько на их значимость для христиан. В сочетаниях же с существительными, обозначающими отвлеченные понятия из области церковной жизни, *великий* выступает только как сакральное понятие: *великий грѣхъ*, *великое послушание*, *великое въздѣржаніе*, *великое моление* и под. «В

языке культуры оказываются более значимыми вторичные, метафорические переосмысления конкретных признаков, наделение их идеологическими или мифологическими значениями» (Tolstaja, 2002: 15).

В сочетаниях с существительными отвлеченного значения, не имеющими отношения к церковной сфере, прилагательное *великий* реализует количественное значение «значительный по силе, степени проявления чего-либо». В таких сочетаниях используется преимущественно краткая форма прилагательного, указывающая на неопределенность признака: *радость велика, любовь велика, плачь великъ, печаль велика* и под. Постановка нечленного прилагательного в постпозиции к существительному свидетельствует о его предикативном употреблении. Эти традиционные летописные штампы используются при описании массовых событий, в которые вовлечены значительные группы людей. В таких сочетаниях *великъ* приобретает эмоционально-экспрессивный оттенок, характеризуя степень эмотивного состояния народных масс. Сходные события, как положительного, так и отрицательного содержания, описываются в аналогичных формулировках: смерть князя – *велика печаль, плачь великъ*; победа над врагами – *радость велика*; примирение враждующих сторон – *любовь велика* и т.д. Такие события имеют важное практическое значение для средневекового человека. О традиционности подобных сочетаний свидетельствует и тот факт, что в местном падеже единственного числа последовательно отражаются результаты второй палатализации даже в летописях старорусского периода, например, в Московском летописном своде 1479 года: «*пробыша въ веселии велицѣхъ*» (MLS: 45), «*град же Москва в печали велице бысть*» (MLS: 238) и под.

Словосочетания, включающие прилагательное *великъ* и существительные со значением эмоционального состояния, связаны с определенными формулами текста. Например, сочетания с синонимичными субстантивными компонентами *радость велика* и *веселие велико* получают различное распространение. Для обозначения состояния масс людей, вызванного каким-либо положительным событием, используется выражение *радость велика*, при котором часто отмечаются существительные в дательном падеже множественного числа со значением субъекта: *православнымъ* (MLS: 104), *христианомъ* (MLS: 130), *Тферичемъ* (MLS: 157). Также типичным для летописи является использование при сочетании *радость велика* существительного в местном падеже, являющегося наименованием города. При этом в результате метонимического переноса название города замещает название жителей, которые и являются субъектом эмоции: «*бысть радость велика в Новгородѣ*» (NIL: 80), *в Володимери*, (MLS: 86) *въ Псковѣ* (MLS: 146). Синонимическое сочетание *въ веселии велицѣхъ* используется для характеристики состояния конкретных персонажей: «*Пришедшу же Изяславу къ брату своему Ростиславу...и пребыша въ веселии велицѣхъ*» (MLS: 45). При этом *веселие* выступает с конкретизированным значением «развлечение, увеселение» (SRJa, 2: 112).

Словосочетания с позитивной коннотацией субстантивных компонентов типа *радость велика, веселье велико* в количественном отношении уступают сочетаниям негативной семантики, которые организуются в синонимические ряды. Среди них особенно частотны конструкции с существительными со значением пребывания субъекта в эмоциональном состоянии страдания: *печаль велика, скорбь велика, тягота велика, туга велика*. Также распространены в летописях сочетания с субстантивами, называющими результаты социальных конфликтов и имеющими значение «смута, мятеж»: *волнение велико, замытня велика, възмятение велико мятежь великъ*.

Прилагательное *великыи*, выступая в качестве атрибутивного члена в синтагмах с существительными других лексико-семантических групп, отражает способы категоризации средневековой действительности, участвует в моделировании языковой картины мира. Служа для выражения качественной характеристики явлений и событий, данный адектив отражает специфику восприятия жизни и ее интерпретации летописцами. В традиционных формулах прилагательное *великыи* закрепилось как стилистически и контекстуально обусловленный компонент. Такую функцию оно выполняет и в распространенных в летописных текстах сочетаниях с существительными, относящимися к военной области. Прилагательное *великыи* в значении «значительный по силе, степени проявления» отмечается прежде всего с существительными с общим значением «битва, война», которые образуют синонимический ряд: *рать велика, велика брань, сеча велика, бои велик, великое побоище*. Оно представлено в летописях и в качестве определения при существительных конкретного значения военной семантики: *орудие велико, великыи шатерь, пушка велика*, или при существительных отвлеченного значения, связанных с представлением о войне: *побѣда велика, велика сила, велика честь* и под. Такое разнообразие военной терминологии свидетельствует о разработанности в древнерусском языке данной семантической области.

Круг объектов, определяемых посредством исследуемого прилагательного, очень широк и включает также наименования разных сторон жизнедеятельности людей. Значительное количество сочетаний с прилагательным *великыи* в летописях связано с обозначением природных явлений: *буря велика, вода велика, гром великъ, засуха велика, дождь великъ, снѣгъ великъ, морозъ великъ, вихрь великъ, туча велика, знои великъ* и под.; стихийных бедствий: *засуха велика, пожаръ великъ*; состояний, являющихся результатом природных катаклизмов и стихийных бедствий: *морь великъ, гладь великъ* и др. Во всех отмеченных случаях в сочетаниях употребляется нечленная форма прилагательного, что является свидетельством древности подобных сочетаний, их традиционности.

Основа *велик-* представлена также в ряде производных образований, которые характеризовались разной коннотацией. С одной стороны, деадъектив *величье* в значении «величие, могущество» (SRJa, 2: 70) отличался позитивной окраской, указывая на величие божественного или человеческого: «*Ради быша Словѣни. яко слышиша вичья божья*» (PVL: 27). Противоположную оценку выражает образование с тем же корнем *величанье* «надменность, заносчивость» (SRJa, 2: 68), мотивированное глаголом *величатися* в значении «гордиться, кичиться» (SRJa, 2: 69). Глаголы *величати* и *величатися* могли характеризоваться и позитивной коннотацией в значении «увеличивать, возвеличивать» (SRJa, 2: 69). Однако возвеличивание себя в русском языковом сознании издревле воспринималось в негативном ключе. Основа *велик-* выступала и как первая часть сложных слов, однако такие примеры в летописях немногочисленны: *великомученикъ, великоумство* и некоторые другие.

Заключение

Таким образом, прилагательное *великыи* играло значительную роль в ментальной сфере древнерусского языка. Оно использовалось для качественной характеристики понятий из религиозной, социальной, военной, бытовой сфер жизни, то есть охватывало весь макрокосм средневекового человека. В этнокультурном языковом сознании русских оно являлось не только количественным понятием, но и сакральным. В сочетаниях с субстантивами, связанными с областью религии или социальной иерархии, данное прилагательное отмечается в членной форме, образуя стилистически

возвышенные конструкции. В сочетаниях с наименованиями военных понятий или явлений обыденной жизни более распространена краткая форма, что свидетельствует об их большей древности и традиционности. Необходимость представления размера события, явления, предмета определяла использование прилагательного *великий* в прямом значении. В случаях характеристики выдающихся лиц или религиозных событий оно использовалось в переносном метафорическом значении, и преимущественно в членной форме, заключая в себе положительную оценку. При характеристике профанных событий, состояний, предметов прилагательное актуализировало параметрическое значение, а оценочность заключалась в существительном, к которому оно относилось. Прилагательное *великий* выступало как в атрибутивной, так и в предикативной функции, а также в случаях переходного характера, свидетельствуя о древней недифференцированности данных значений. Чем дальше в глубь веков, тем явственнее представлено единство понятия, выраженного сочетанием атрибутивного компонента и определяемого слова.

Bibliographic references

- ALEFIRENKO, N. 2015. Language as a State of Ethno-Cultural Consciousness. In: *XLinguae Journal*, vol. 8, issue 3, pp. 2-18. ISSN 1337-8384.
- BARANOV, V.A. 2003. Formirovanie opredelitel'nyh kategorij v istorii russkogo jazyka. Kazan': Izd-vo Kazanskogo gosud. un-ta, 390 p. ISBN 5-7464-0768-2.
- CHERNYH, P.Ja. 1999. Istoriko-jetimologičeskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka: v 2-h t. M.: Russkij jazyk, 1999. T. I. 624 p. ISBN 5-200-02685-7.
- GORSHKOVA, K.V. – HABURGAEV, G.A. 1997. Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka. M.: Izd-vo MGU. 384 p. ISBN 5-211-03301-9.
- GUREVICH, A.Ja. 1999. Izbrannye trudy: V 2 t. T. 2: Srednevekovyj mir. SPb.: Universitetskaja kniga. 560 p. ISBN:5-7914-0034-9.
- KLIMOVA, Ju.A. 2008. Imja prilagatel'noe kak reprezentant koncepta "kachestvo" v russkoj jazykovoj kartine miraю Avt. diss. kand. filol. nauk. Belgorod. 19 p.
- KOLESOV, V.V. 2005. Istorija russkogo jazyka. SPb.: Filologičeskij fakul'tet SPbGU; M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 672 p. ISBN 5-8465-0174-5.
- KUBRJKOVA, E.S. 2010. Chasti rechi v onomasiologičeskom osveshhenii. M.: Izdatel'stvo LKI. 120 p. ISBN 978-5-382-01065-6.
- LIHACHEV, D.S. 2015. Čelovek v literature Drevnej Rusi. SPb.: Azbuka. 314 p. ISBN: 978-5-389-09271-6.
- MATVEEVA, N.N. – FATKHUTDINOVA, V.G. 2016. National component in Russian word-formation: linguodidactic aspect. In: *Journal of Language and Literature*, 7 (2), pp. 233-236. ISSN: 2078-0303.
- PLOKHY, S. 2006. The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus. Cambridge: Cambridge University Press. 379 p. ISBN-13 978-0-511-24704-0.
- PICCHIO, R. 2003. Slavia Orthodoxa. Literatura i jazyk. M.: Znak. 720 p. ISBN: 5-94457-025-3.
- SADRIEVA, K.E. – EROFEEVA, I.V. 2016. Representation of human's image by using word-formation resources in the language of Russian chronicles (using the example of nouns with suffixes *-(ьн)икъ*). In: *Journal of Language and Literature*, 7(1), pp. 203-206. ISSN: 2078-0303.
- SAFIN, I.K. – BYCHKOVA, T.A. – KOLOSOVA, E.I. 2016 Linguocultural semiotic concept "Language" in Russian, Polish and English languages. In: *Journal of Language and Literature*, 7(2), pp. 237-240. ISSN: 2078-0303.

SCHUKLINA, T.Y. 2014. Binary oppositions as a way of representing the Slavic culture (in the context of the Russian proverbs). In: Life Science Journal, 11(10), pp. 638-641. ISSN 1097-8135.

TOLSTAJA, S.M. 2002. Kategorija priznaka v simvolicheskom jazyke kul'tury // Priznakovoe prostranstvo kul'tury. M.: Indrik, pp. 7-20. ISBN 5-85759-199-6.

Material resources

MLS – Moskovskij letopisnyj svod 1479 goda. Uvarovskij spisok letopisi // Polnoe sobranie russkih letopisej. 1949. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, t.25, 464 p.

NIL – Novgorodskaja pervaja letopis' starshego izvoda (Sinodal'nyj spisok) // Novgorodskaja pervaja letopis' starshego i mladshhego izvodov / Pod red. A.N.Nasonova. 1950. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, pp.13-100.

PVL – Povest' vremennyh let. Lavrent'evskij spisok letopisi // Polnoe sobranie russkih letopisej. 2001. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, t.1, pp. 1-286. ISBN 5-94457-010-5.

SRJa – Slovar' russkogo jazyka XI-XVII vv. 1975-2006. M.: Nauka, t. 1-27.

Words: 3 456

Characters: 28 580 (15, 87 standard page)

Assoc. Prof. Irina V. Erofeeva, Doctor of Philology
Department of Russian Language and Applied Linguistics
Kazan Federal University
18, Kremlyovskaya St., 420008 Kazan
Republic of Tatarstan
Russia
erofeeva89@mail.ru